

УДК 811.161.1

Однокоренные синонимы — названия растений в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей»

ЕРОФЕЕВА

Дарья

Павловна

выпускница 2013 г.,

Петрозаводский государственный университет,

филологический факультет,

Петрозаводск, palna-89@mail.ru

МАРКОВА

Нина

Владимировна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка,

Петрозаводский государственный университет,

доцент кафедры русского,

Петрозаводск, markova_nina@mail.ru

Ключевые слова:

однокоренные синонимы
частная диалектная система
диалектный язык
словообразовательная синтагма
словообразовательная парадигма
кодериваты
словообразовательная пара

Аннотация:

В статье в словообразовательном аспекте рассматриваются ряды однокоренных синонимов, которые установлены по «Словарю русских говоров Карелии и сопредельных областей». Для наблюдения избраны названия растений: трав, цветов, деревьев.

На уровне диалектного языка, как и в частных диалектных системах, синонимические ряды преимущественно представлены парами синонимов — словообразовательными парами и кодериватами.

Синонимические ряды с большим числом членов (от 3 до 7) отражают сложные деривационные связи: синтагматические и парадигматические.

Выявленные синонимические ряды складывались в результате активной суффиксации. При тождестве лексем в синонимических рядах с особой отчетливостью проявляется процесс десемантизации суффиксов, особенно суффиксов субъективной оценки.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Изданный на рубеже веков «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК) [6] стал важным итогом собирания и изучения диалектной лексики в XX столетии, а для исследователей XXI в. предлагает богатейший и интереснейший материал по русским народным говорам северо-запада России. Будучи полидиалектным, Словарь отражает лексический состав разных групп русских народных говоров Карелии: онежской и части поморской группы севернорусского наречия, а также включает лексемы, зафиксированные в говорах ладого-тихвинской, новгородской, белозерско-бежецкой, лачской и вологодской групп.

СРГК позволяет решать многие задачи, связанные с установлением системных связей и отношений в лексике, поскольку Словарь «довольно детально показывает основные тенденции в словообразовании, в семантическом развитии разных слов» [4; 4].

Проблема разграничения, с одной стороны, словообразовательных вариантов слова и, с другой — однокоренных синонимов с особой остротой встает перед диалектными лексикографами. В нашей

работе мы, вслед за составителями «Словаря русских говоров Карелии», к вариантам относим фонетические — «слова, отличающиеся чаще всего одной или двумя фонемами в корне» [4; 7] (*сёстрѣница* и *сестри́ница* — ‘красная смородина’), а также грамматические, связанные у существительных, в частности, с различиями в роде (*берѣмье*, с. и *бѣремья*, ж ‘охапка сена, дров’), которые представлены в одной словарной статье в качестве равноправных вариантов заглавного слова.

Таким образом, тождественные по значению однокоренные слова с разным морфемным составом, зафиксированные на одной или на разных территориях, — это отдельные лексемы в СРГК, и такие лексемы мы рассматриваем в настоящей работе как однокоренные синонимы.

Начало рассмотрения однокоренных синонимов в словообразовательном аспекте связано с обращением к безусловным синонимам — на уровне частной диалектной системы. Наблюдения Ю. С. Азарх над однокоренными синонимичными существительными из разных лексико-грамматических групп в говоре д. Деулино свидетельствуют о преобладании в частной диалектной системе синонимических пар, связанных отношениями кодеривации, над словообразовательными парами [1].

Появление однокоренных синонимов, по мнению Ю. С. Азарх, связано не только с наличием синонимичных формантов, но и с процессами десемантизации суффиксов. Лексическое и словообразовательное значение производных с утратившими свое значение суффиксами, по мнению исследователя, контекстно-зависимо [1; 165].

На уровне диалектного языка, представляющего собой «систему систем» [2; 10], проблема лексической синонимии осложняется тем, что члены синонимического ряда, принадлежащие разным частным диалектным системам, являются противопоставленными диалектными различиями плана выражения (*морковь* — *моркошка* — *боркан*). Основываясь на идеях Р. И. Аванесова о диалектном языке, в котором общее превалирует над различным, О. И. Блинова предлагает деление синонимичной лексики в говорах на однодиалектные и разнодиалектные синонимы [3; 165, 168].

Наши наблюдения, выполненные на материале полидиалектного дифференциального словаря, относятся именно к уровню диалектного языка, т. е. речь пойдет о разнодиалектных синонимах.

В настоящей работе для словообразовательного анализа однокоренных синонимов избраны наименования растений — цветов, ягод, трав, кустов, деревьев и др. Всего в СРГК выявлено 90 синонимических рядов такой семантики.

В работе ставится задача установить словообразовательные связи в рядах однокоренных синонимов, выделить наиболее характерные форманты, учитывая отсутствие семантических различий в синонимических рядах, попытаться определить, сколь частотны дублетные наименования.

К сожалению, СРГК не всегда точно указывает, названием какого конкретно вида растений является фиксируемая лексема. Так, *арані́ка* и *бороні́ка*, по-видимому, оказываются разными наименованиями одного и того же вида — съедобных черных ягод: *Арані́ка* — ‘название ягоды и растения’: *Арані́ка* — черная ягода это такая, мы называем панаброй, на панабре ягод нет, она похожа на эту, это — *арані́чник*. Медв. *Бороні́ка* — ‘ягода’: *Бороні́ки* еще есть с косточкам, по земле тянется. Сег. Генетически связанные, лексемы, по-видимому, являются синонимами, но в нашей работе такого рода явления не рассматриваются¹.

Как и в частных диалектных системах, в наших материалах преобладают двучленные синонимические ряды (62 из 90 ≈ 70 %). Пары синонимов представляют собой или кодериваты общей мотивирующей основы (25), или словообразовательную пару (37).

Словообразовательную парадигму составляют следующие ряды. Дериватами лексемы *земляной* являются *земляні́ца* (*земяница*) и *земля́нка* ‘земляника’: *Ягод у нас иной год много бывае, черница, земляні́ца, малина*. Медв. *На борах земляні́ца уже есть*. Прион. + Белом., Карг., Кириш., Кондоп., Лод., Онеж., Плес, Подп. *Черника растет, земля́нка, брусница*. Тихв + Белоз., Бокс, Вашк., Выт., Код., Кирил., Кириш., Лод., Люб., Онеж., Пест., Плес, Уст., Чаг., Чер., Шексн.

Однокоренные синонимы *кобылі́ка*, *кобылі́ца* ‘куманика’ образованы, по-видимому, от одной производящей основы *кобыла* с помощью разных суффиксов: *Кобылі́ка* есть, такие ягоды, темно-красные, крупинки как у малины, может, это и ежевика. Подп. *Ягоды кобылі́цей называют, а напротив их и морошка* расте. Подп.

Слова равной смысловой и формальной сложности *шля́пник* и *шля́пняк* — дикий клевер мотивированы основой *шляпа*: *шля́пник* — на земнины растет клевер, цветы такие, разны головки. Медв.; *шля́пняк* — это цветки такие, как клевер. Медв.

Для слов равной смысловой и формальной сложности *медвежа́тник*, *медве́жник* ‘мох’, по-видимому, производящей основой является общерусское слово *медведь*: *Обложат девять углов, сунут срубы, их запятнают и заложат медвежатником, мхом черно-зеленым, между пазм, а потом балки*

кладут. Кондоп. *Потом на мох ставят, натянут моху в болоте, сначала мох настелется, а потом уж бревно кладут, мох медвежник брали, потом под потолок венец кладут.* Кондоп.

Пара тождественных синонимов *крушінка* и *крушинник* ‘разновидность березы с шершавыми листьями’ словообразовательно связана с общерусским словом *крушина* ‘небольшое листовое дерево или кустарник с ломкими ветвями и черными несъедобными плодами’ [8; 303]. Однако нельзя не заметить семантическую разницу между общерусским и диалектными словами. Свойства данного вида березы, возможно, находят отражение в названии. Так, М. Фасмер лексему *крушина* мотивирует глаголом *крушить*, т. е. название растения может быть связано с хрупкостью его древесины [9]. Иллюстрации из СРГК в данном случае не проясняют вопрос: *Крушинник — ой не гладкий, береза така.* Плес. *Пастух выбирает крушинку и надрезает оболонь.* Тихв.

Трехчленный ряд однокоренных слов может включать производящую и производные основы — кодериваты, например: *бред (брёд), бредина, бредень* ‘вид ивы’: *Ива, бредина, бред разновидность ивы, широкий лист такой.* Лод. + Пест. *Бредина — это куст есть такой.* Чуд. + Бокс, Вашк., Лод., Уст. *Для корзины берут — молодую гибкую однолетнюю иву, бредень называется.* Чуд.

Лексема *бред*, восходящая к глаголу *брести* (ива растет на сырых местах) [9], является производящей основой для остальных однокоренных наименований, поскольку *бредина* и *брёдень* — слова равной смысловой и формальной сложности. Таким образом, синонимический ряд однокоренных слов представляет собой словообразовательную парадигму.

Аналогичный пример трехчленного синонимического ряда с первым компонентом — производящей основой: *олёша, олёшина, олёшница* — ольха: *Теперь вода только до той олёши доходит, дальше не идет.* Чуд. *Деревья разные: сосна, олёшина, рябинина.* Люб. *Одонья, это наскут олёшницы да березника и настелят, чтобы сено не прогнило.* Тихв.

Производящей основой для синонимического ряда *стрекава (стракива), стрекавина, стрекавка* ‘крапива’ является первый член ряда: *Стрекавы, говорят, нарви пороссятам.* Бат., Новг. *Стрекивой руку ошпарила, когда полола.* Пест. *Стракивой парились от простуды в байне.* Пест. + Бокс., Лод., Пуд., Чуд., Хвойн., Шим. *Стрекавина-то кака выросла, жжется.* Чуд. + Тихв., Шим. *Еще в огород поедешь, стрекавкой засеку.* Лод.

Не всегда производящая основа оказывается в ряду однокоренных синонимов. Синонимический ряд *сметанка, сметанница, сметанник* вид травы (какой?), включающий на первый взгляд семантические диалектизмы, вполне соотносительные с *молочником* и *молочницей* ‘сорная трава’, мотивирован, по-видимому, не общерусским существительным *сметана*, а глаголом *сметать* ‘сгребая, собирать в одно место, в одну кучу’ [8]: *Сметанка, трава такая хорошо косить.* Плес. *Сметанница, она между пуховашкой растет и так косить-то хуже, чем пуховашку, она мягка, стюкнул, она сломилась и как волоса пригладил.* Онеж. *Сметанник вон там, на берегу расте, с толстой головкой.* Тер.

Шипица, шипичник (шиписник), шипичняк (шипешняк) — ‘дикая роза с простыми не махровыми цветками; шиповник’: *А в поле у нас да в лесу шипица растет, алые такие цветы на кустах, колючая она; шиповник.* Кирил. *А шиповник раньше шипица называлась.* Пуд. + Карг., Онеж. *Шиписник — куст такой, с розовыми ягодками, лечебный тоже.* Тер. + Карг., Кирил., Кондоп., Онеж., Прион. *Шипичняк-то на пожнях растет, баски цветочки у него.* Карг. *Я никогда не завариваю цай, шипешнику накладу, кореньев.* Шексн.

Шипица, шипичник (шиписник), шипичняк (шипешняк) — слова равной смысловой и, по-видимому, формальной сложности. Производящей основой для *шипицы* является основа общерусской лексемы *шип*. В свою очередь, *шипица* может рассматриваться как производящая основа для *шипичник (шиписник), шипичняк (шипешняк)* со свойственными для северного наречия чередованиями в корне *ц/ч/ш*. Таким образом, синонимический ряд представляет собой словообразовательную парадигму лексемы *шипица*.

Синонимический ряд такого типа может насчитывать и более трех членов: *сосник, соснина, соснушка, сосняк* сосновый лес: *Буряга все уронила: и сосник, и ельник.* Пест. *За ягодами по соснине ходим.* Чер. + Кад. *Волнушки, красички, на соснушках растут.* Выт. *Кобыльник ростё и по сухим местам, соснягу.* Тихв. + Карг., Кириш., Медв., Подп., Шексн.

При равной смысловой и формальной сложности производящей основой для данного ряда является основа общерусской лексемы *сосна*.

Еще один пример словообразовательной парадигмы, производящая основа которой входит в синонимический ряд, — *глажа (глаша и глоша), глажка, глажу́ха, глажен* ягода морошка: *Морошка-то, глажа-то, верно красится, там на болоте растет.* Бокс. *Уж глаша в конце июля будет.* Люб. *Есть черника, брусника, гложи.* Тихв. + Волх., Медв., Онеж., Подп. *За ягодами была, глажек набрала.* Кириш. *Они только идут еще, а у меня уже полведерочка глажу́х набрано, морошка, по-деревенски глажи.* Тихв.

Раньше морошку называли *гла́жен*. Кириш. *Морошку у нас даже больше гла́жены зовут*. Бокс.

Однокоренные синонимы образованы с помощью разных суффиксов: *глажа* → *глажка*, *глажу́ха*, *глажен*.

Вéрес (*вéреск*¹, *вéрест*, *вéрёс*), *верёсик*, *вересина*, *вересник* (*верёзник*), *вересовник* *можжевельник*: *Вéрес* — это *можжевельник* растёт, *вéрес* называется, из *вереса-то* *подойники* раньше делали. Лод., Тер. По лесу *вéреск* растёт, он не долгий, так ширится *широконький*. Подп., Пуд. + Медв. *Верёсик* и *мох* везде. Пуд. *Вересина* в больше дерева не вырастает, в лесу растёт, на ей *ягодка* *черная* растёт. Тихв., Кириш + Бокс., Чуд. Кусты *вересовые* бывают, *вересник*. Канд. *Есть верёзник* — это куст такой, на ём *ягоды* растут. Шексн. + Сег. *Медведь*, у него *сваленность* об этот *вересовник*, а потом в него те раз *стреляли*, ну и попали в *мишку-то*, а *вересовник* *сваленный*, он так и лежит. Медв.

Перед нами словообразовательная парадигма лексемы *вéрес*: *вересик*, *вересина*, *вересник*, *вересовник*.

Тожественные синонимы в говорах возникают не только в результате образования от одной производящей основы ряда дублирующих образований. В наших материалах активно создаются тождественные синонимы и в словообразовательных парах.

Единственный случай, когда нет отсылки в СРГК при толковании одного слова другим, — семантические диалектизмы *берёза*² и *берёзка*² (*берёза* → *берёзка*). Однако при сопоставлении дефиниций обеих статей приходим к выводу о тождественности значений. Ср.: *Береза* — ‘комнатное растение (китайская роза?)’. *Берёзка* — ‘комнатное растение с листьями, похожими на листья клена, с белыми цветочками наподобие роз’. Приведем примеры: *У нас этот цветок берёза называется*. Пуд. *А кустик зелененький цветет белым, как бархаточки, бархатками цветет, то берёзка*. Вашк.

Словообразовательной парой являются синонимы *гла́дыш* и *глады́шник* — береза с гладкими блестящими листьями: *Есть березка с гладким листом, а есть мохнатая; гладкая, аж лоснучая, называется гла́дыш*. Медв. *Гла́дыш* — это такая береза, на возвышенных местах растёт, на *гривах*. Плес. + Кондоп., Онеж., Подп. *Береза разна, глады́шник есть, лист гладкий, мохнач совсем не такой*. Медв.

Такие же деривационные отношения и в следующих парах: *ме́гла* и *мегли́на* — *лиственница*: *Дерев много. Сосна, ель, ме́гла, славится ме́гла, самая хорошая лесина*. Карг. *Мегли́на* растёт, как *сосна-то*, *иглы* *малюшкие*. Плес.;

беломой, *беломойка* — растение белый клевер: *Придешь с покоса черная и намываешься беломоем*. Кад. + Чер. *Девки румянили щеки беломойкой*. Кад.;

девятисил и *девятисильник* — растение девясил: *Девятисил-то возьми и превязывай, легче будет*. Пест. *Девятисил* наподобие *лопуха*, только лист долгий, как у *хрена*, цвет большой, желтый. Лод. *У девятисильника* *корень* *настаивают*, *листом* в *байне* *трутся*. Лод.

Большой интерес вызывает словообразовательный формант в паре *ме́рля*, *мерле́ш* *трава(?)*: *Ме́рля* — *трава*, как *табак* такой. *Напихаешь ей в трубку*. Подп. *Ме́рлеш* растёт здесь, *длинная трава*. *На конце* — как *табак*. *Осенью* и *рассыплется*. Подп. Как видим, СРГК не даёт точного названия растения. М. Фасмер лексемы *мерлу́ха*, *мерлу́шка* ‘барашковая шкурка’ соотносит с румынским словом *mierl* ‘ягненок’ [9]. Возможно, в наших говорах сохраняется *мерля* (от *mierl*) в качестве метафорического названия травы. Итак, *ме́рля* и *мерле́ш* — словообразовательная пара с редким суффиксом *-еш*.

Неоднозначным представляется решение вопроса о деривационных отношениях пары семантических диалектизмов *моло́чник* и *моло́чница* *сорная трава, лебеда*: *Кормят травой моло́шник поросят, зелена, высока, вот как мак, растёт долга, и листья как у мака, как молоко*. Кириш. *Молочник в рассаднике* *надо выдолоть*. Пуд. + Бат., Кирил., Под., Новг., Тихв., Шим. *У кульчихи-то* *розовы цветочки*, а у *молоцницы* *желтенькие*; не *вырвешь*, *дак высока вырасте*. Карг. *Всякие сорняки молочницей* *называли*. Пуд. + Тихв., Онеж.

Как известно, в литературном языке одушевленные существительные, с которыми соотносительны названия растений, связаны отношениями производности: от существительного мужского рода образуется существительное женского рода. Этому не противоречит генетическое родство диалектизма с польским *mlecznik* ‘растение’, на что указывает А. С. Герд [5: 8; 323].

Учитывая этимологию названия, восходящего, по-видимому, как и общерусское название ядовитой травы *молочай*, к *молоку*, а также неодушевленность существительных, нельзя исключить вариант кодирования.

Сочетание синтагматических и парадигматических связей обнаруживается в рядах однокоренных

синонимов, включающих в себя три и более компонента.

Свини́ца, свину́ра, свину́рница — ягода толокнянка: *Есть ягода черная, называется свини́ца, мельце черники, на ей есть красная звездочка, с противоположной стороны корня. Пуд. Свину́ра-то на боровинах растёт, така чёрна, мелкая, кисточками похожа на смородину, на черемушку похожа, вкусней, как вородушка, там зернышек нету. Карг. Свину́ра на кустах растёт, на канабренник похожа. Пуд. Это свину́ра росла, свину́рница, она не кисла така да сочна. Карг.*

Свину́ра, свини́ца мотивированы лексемой *свиной*, которая, как указано в «Словаре русских народных говоров», присутствует в названиях ягод. Так, *свиная брусника* — это ягоды толокнянки (Олон.) [7]. А дублетное наименование *свину́рница* — производное от *свину́ра*.

Ель, ёльнишня, ельня́к (ельня́г), ельня́жек (ельня́жка) — еловый лес, ельник: *Лошади заходят в ель, задами к солнцу, а головами в тень, такое место, лошадиное дворище. Карг. Пойдем в ёльнишню, там прохладно. Тихв. Ельня́ги у нас темные, густые. Люб. Ельня́ку мало. Лод. + Бокс., Канд., Кирил., Кириш., Медв., Подп., Тер., Тихв., Уст., Чуд. Там волнушки были, ельня́жек молоденький, по пожням растут. Тихв. Медведь сивый выходит из ельня́шка. Лод.*

Ель, как видим, используется в говорах в собирательном значении. Однокоренные синонимы *ельня́к (ельня́г), ёльнишня* образованы от производящей общерусской основы *ель* с помощью разных суффиксов.

В свою очередь, *ельня́г / ельня́к* — производящая основа для *ельня́жек (ельня́жка)*. Таким образом, перед нами словообразовательная цепочка: *ель* → *ельня́г* → *ельня́жек*.

Примечательно, что тождественные синонимы *ельня́к, ельня́жек* и *ёльнишня* зафиксированы на одной территории — в говорах Тихвинского района Ленинградской области.

Золоти́нка, золоту́ха, золотни́к, золотни́чка — 'полевая гвоздика, используемая в народной медицине для лечения золотухи': *Траву эту золоти́нкой звали. Медв. Золоту́ха трава есть, она блестит, когда ее в воду положишь, сушат ей да заваривают, золоту́ха растёт на сухих местах, на кряжках, на теребах. Белом. Золотни́к заваривают и пьют, чтоб золотухи не было. Карг. Если у кого золотники, надо взять траву, эта трава золотни́чка. Медв.*

Лексема *золотуха* — семантический диалектизм, результат метонимического переноса с заболевания *золотуха (желтуха)*. Синонимический ряд *золоти́нка, золотуха, золотни́к*, по-видимому, словообразовательная парадигма лексики *золото*; один из членов парадигмы становится производящей основой еще для одного синонима: *золотни́к* — *золотни́чка*.

Сложные деривационные связи просматриваются и в другом, пятичленном, синонимическом ряде: *резу́н¹, резунёц, резунья, резу́ха, резу́к* 'трава осока': *Осока така — резун, широка. Сег. + Бат., Выт., Кад., Карг., Кинг., Прион., Тихв., Чер., Шексн., Вашк., Кирил., Медв. Трава резунёц, проведешь, так руку режёт. Карг., Медв., Плес, Чер. Там осота — трава такая растёт, резунья. Осота эта не резунья, есть осота такая, как резунья. Онеж., Баб. Резу́ха — трава широкопорая, не волосая, как на поле, осокой теперь называют. Тихв. + Кириш., Сланц. У нас траву осоку резу́к называют. Лод.*

В данном случае тождественные синонимы *резу́н¹, резу́ха, резу́к* представляют собой словообразовательную парадигму глагола *резать* или диалектного слова *реза*, известного южнорусским говорам: *Реза* 'растение *Carex acatiformis* Shrh, сем. осоковых, осока островатая': *Резак растёт в болоте, иде камыш. Такая трава острая, порезаться можно. Дон, 1975 [7]. А резун, как видим, мотивирует образования *резунец, резунья*.*

Территория функционирования членов данного синонимического ряда, как свидетельствует СРГК, неодинакова. На одной территории возможно употребление лексем *резу́н* и *резунёц* — Каргопольский район Архангельской области и Череповецкий район Вологодской области. В говорах Тихвинского района Ленинградской области *резу́н* зафиксирован наряду с *резу́хой*. Пятый член синонимического ряда *резу́к* встречается в говорах Лодейнопольского района Ленинградской области.

Среди выявленных в «Словаре русских говоров Карелии» синонимических рядов разных видов растений самая многочисленная группа (46) — наименования трав.

Не всегда СРГК четко указывает, названием какого конкретного вида растения является фиксируемая лексема: *мёрля трава (какая?)*; *сметанница* вид травы (какой?).

В синонимических рядах этой группы слова с нечленимой основой нередки: *верес* 'можжевельник', *хво́ща* 'полевое растение хво́щ', *ли́ст* 'низкая луговая трава с широкими листьями', *ме́гла* 'лиственница', *ме́рля*, *мур¹* 'густо растущая молодая трава; мурава', *сор¹* 'сорная трава, сорняки', *трё́ста (трё́ста)* 'осока' и др.

В развитии однокоренной синонимии в этой группе используются уменьшительные и увеличительные суффиксы: *верёсик*, *медушка* 'растение', *росяничок* 'растение, трава (какая?)', *сметанка*, *стрекávка*, *трéстка*, *хлёбушко* 'растение клевер'; *ломушина* 'валежник', *вересина*.

В самой многочисленной группе синонимических рядов частотны словообразовательные пары с оппозицией по грамматическому роду (в 30 из 46): *беломой* — *беломойка* 'растение белый клевер', *ва́хка* (*ва́фка* и *ва́хта*) — *вахкóвник* 'трава трилистка, трепель'; *денежник* — *денежница* 'лекарственное травянистое растение', *желе́зник*² — *желе́зница* 'трава с колючими листьями', *желтоголовик* — *желтоголовка* 'название травянистых растений с желтыми цветками', *калг'анка* — *калг'анник* 'растение калган', *канабра*² — *канабренник* 'багульник болотный', *мётлица* — *метличник* 'трава с метельчатым соцветием', *молóчник*² — *молóчница*, *осенчак*² — *осенчуха* 'отава, скашиваемая осенью', *ра́мжа* — *рамжа́к* 'вид травы', *резун*, *резунёц* — *резу́нья*, *резу́ха*, *репейня* — *репёнь*, *свисту́лька*² — *свисту́льник* 'тысячелистник', *сметáнный*² — *сметанница*, *суставник* — *суставница* 'лекарственная трава', *треу́шник* — *треу́шица* 'болотное лекарственное растение, трепель', *хво́ща* — *хво́щени́к*.

Синонимические ряды наименований цветов немногочисленны (6), из них два ряда содержат производные лексемы (*берёза*, *квет*).

Образование рядов тождественных синонимов этой группы связано, на наш взгляд, с активным употреблением в говорах уменьшительно-ласкательных суффиксов: -к (*берёзка*, *бобка*, *калиточка*), -ок/-ек (*кветок*, *но́жичек*), -ушк (*бобушка*).

Так, выделяются две словообразовательные пары, членами которых являются диминутивы и их производящие: *квет* → *кветок*² 'цветок'; *калiтка*³ → *калiточка* 'цветок ромашка'.

В двух парах объединяются два диминутива-кодеривата, но ряд не включает мотивирующего слова: *бобушка*² → *бобка*² любой цветок; *но́жик*, *но́жичек* 'растение ирис'.

Система взаимоотсылок однокоренных наименований цветов в СРГК (*калиточка*² — То же, что *калiтка*³) позволяет предположить, что в описанных случаях имеет место явление десемантизации диминутивов с собственно уменьшительно-ласкательным значением в диалектах. На возможность десемантизации диминутивов в говорах указывают Ю. С. Азарх [1; 159–162] и Н. В. Свешникова [10].

Кроме суффиксов с уменьшительно-ласкательным значением, для образования слов в синонимических рядах этой группы используются суффиксы -ник (*шляпник*, *шипичник*), -няк (*шипешняк*, *шлешняк*),

-иц(а) (*купалица*, *шипица*).

Синонимические ряды, составленные наименованиями цветов, содержат от двух (*бобка* и *бобушка*; *купава* и *купалица*) до трех (*шипичник* (*шиписник*), *шипичняк* (*шипешняк*), *шипица*) тождественных синонимов.

Среди слов, называющих ягоды разного сорта, существительные с нечленимой основой встречаются редко: *сморо́да* ('смородина'), *гла́жа* ('морошка'), последняя этимологически связана с прилагательным *гладкий*, как свидетельствуют М. Фасмер [9] и А. С. Герд [5].

При образовании однокоренных синонимов — наименования ягодных растений (15 рядов), как правило, используются суффиксы, среди которых мотивированные видовым названием суффиксы существительных женского рода -иц(а), -ик(а): *глуши́ца*, *земляни́ца*, *журавли́ца*, *клубни́ца*, *княжи́ца*, *кобыли́ца*, *смороди́ца*, *свини́ца*; *кобыли́ка*.

Поскольку для названия сорта ягод смежными являются собирательные существительные, называющие ягодные места, то частотным оказывается суффикс -ник, широко известный для обозначения ягодных мест в русском языке (*малинник*, *черничник*): *араничник*, *глуши́нник*, *сморо́дник*, *толокóнник*.

Также для образования наименования ягод используются десемантизированные уменьшительный и увеличительный суффиксы: *глажка*, *землянка*, *сестрёнка*, *снiжинка*, *толоконка*; *глушина*, *журавина*, *морошина*, *толоконина*.

Немногочисленна (11) группа синонимических рядов, связанных с наименованиями деревьев.

Среди слов, называющих различные виды деревьев, четыре с нечленимой основой: *оле́ша* 'ольха', *ме́гла* 'лиственница', *'ра́йда'* 'ива', *бред* 'вид ивы'.

Продуктивным в этой семантической группе оказывается суффикс

-ин, в качестве исторического присутствующий в названиях кустов и деревьев (*осина*, *рябина*): *бредина*, *жарина*, *меглина*, *олешина*, *райдина*, *тополина*, *черёмушина*, *черемшина*.

Активно используется характерный для собирательных существительных (*осинник*, *ельник*) суффикс -ник, однако в говорах он употребляется для образования конкретных

существительных: *гладышник, жаровник, крушинник, рябник*.

Синонимические ряды, составленные наименованиями разных видов деревьев, содержат от двух (*гладыш* и *гладышник*; *тополина* и *тополинина*) до четырех (*жарина, жарняк, жаровник, жарыняк*) однокоренных слов с тождественным значением.

В отличие от рассмотренных семантических групп, ряды однокоренных синонимов — наименований рощ, лесов и групп деревьев, растущих вместе (7), отличаются наличием семантически значимого суффикса. Собираательные имена существительные, как правило, производные, мотивированы названиями конкретных видов деревьев, исключение в наших материалах составляет используемое в метонимическом значении непроизводное слово *ель*.

Способ образования тождественных слов в синонимическом ряду — суффиксация, причем суффиксы *-ник* и *-няк* обладают выраженным словообразовательным значением: *олешник* (*олёшник*), *райдовник, сосник; ельняк* (*ельняг*), *олешняк* (*олышеняк, ольшняк*), *сосняк* (*сосняг*), *черемшняк*.

Из прочих суффиксов обращают на себя внимание уменьшительные и увеличительные суффиксы, используемые здесь с особым, диалектным, словообразовательным значением: *боровинок, ельняжек, ельняжка, соснушка; боровина, соснина, чащина*.

Синонимические ряды, составленные наименованиями совокупности деревьев, содержат от двух (*райдина* и *райдовник; черемушанник* и *черемушняк*) до пяти тождественных слов (*сосник, соснина, соснушка, сосняг, сосняга*).

Итак, явление однокоренной синонимии в избранной семантической группе слов обусловлено суффиксацией. Тождественные в своем значении, однокоренные наименования растений разных видов представляют собой лексические дублиеты.

Во всех семантических группах преобладают двучленные ряды синонимов — словообразовательные пары и кодериваты.

Многочленные синонимические ряды представляют собой по-разному организованные звенья родственных слов — сочетание парадигматических и синтагматических связей.

В большинстве случаев наблюдается десемантизация суффиксов не только уменьшительных и увеличительных, но также с собирательным и сингулятивным значением, на что указывает контекст, в котором зафиксирована та или иная лексема.

Ряды однокоренных слов способствуют удержанию древних лексем в активном словаре (*бред, верес, мерля, журава, сморода*).

Как свидетельствуют географические пометы, тождественные наименования растений можно отнести к явлению синонимии на уровне диалектного языка, которое отличается от уровня частной диалектной системы наличием многочисленных рядов со сложными деривационными связями.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В беломорском говоре, по наблюдениям Д. П. Ерофеевой, встречается лексема *вороника*: есть ягода *вороника*, похожа на чернику, сладкая, твердая, ее толкут и варят варенье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарх Ю. С. Однокоренные синонимичные существительные в частной диалектной системе // *Русская диалектология : лингвогеографический аспект*. М., 1987. С. 159—162.
2. Аванесов Р. И. Введение // *Русская диалектология* / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964. С. 7—28.
3. Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию : материалы для спецкурса. Томск, 1973. 257 с.
4. Герд А. С. Предисловие // *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. СПб., 1994. Вып. 1. С. 3—13.
5. Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // *Севернорусские говоры*. Вып. 6. СПб., 1995. С. 85—107; Вып. 7. СПб., 1999. С. 117—139; Вып. 8. СПб., 2004. С. 173—235; Вып. 9. СПб., 2008. С. 209—262; Вып. 10. СПб., 2009. С. 144—176.
6. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. СПб., 1994–2005.

7. Словарь русских народных говоров: в 43 вып. / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 2010. Вып. 36.
8. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. М., 2004.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986—1987.
10. Свешникова Н. В. Модели диминутивного словообразования в русских говорах [Электронный ресурс]. URL: <http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/diminutiv.html>, свободный.

REFERENCES

1. Azarkh Yu. S. Similar root synonymous nouns in private dialect system [Odnokorennyye sinonimy v chastnoy dialektnoy sisteme] // *The Russian dialectology: Lingvogeographical aspect*. M., 1987. P. 159 – 162.
2. Avanesov R. I. Introduction [Vvedenie] // *The Russian dialectology* / under the editorship of R. I. Avanesov and V. G. Orlova. M., 1964. P. 7—28.
3. Blinova O. I. Introduction in a modern regional lexicology: Materials for the special course [Vvedeniye v sovremennuyu regionalnuyu leksikologiyu]. Tomsk, 1973. 257 p.
4. Gerd A.S. Preface [Predisloviye] // *The dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas*. Vol. 1. Spb, 1994. P. 3—13.
5. Gerd A.S. Materials for the etymological dictionary of the North Russian dialects [Materialy dlya etimologicheskogo slovary severnorusskikh govorov] // *The North Russian dialects*. Vol. 6. Spb 1995. P. 85—107; Vol. 7. Spb, 1999. P. 117—139; Vol. 8. Spb, 2004. P. 173—235; Vol. 9. Spb, 2008. P. 209—262; Vol. 10. Spb, 2009. P. 144—176.
6. The dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas: in 6 v. [Slovar russkikh govorov Karelii]. Spb., 1994—2005.
7. Dictionary of the Russian national dialects: in 43 v. / hl. edition F.P. Sorokoletov. Vol 36. SPb, 2010. [Slovar russkikh narodnykh govorov]. Spb., 2010.
8. The modern explanatory dictionary of the Russian language / Under the editorship of S.A.Kuznetsov. M, 2004. [Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka].
9. Fasmer M. Etymological dictionary of Russian: in 4 t. M, 1986—1987. [Etimologicheskii slovar russkogo yazyka].
10. Sveshnikova N. V. Models of diminutive word formation in the Russian dialects. [Modeli deminutivnogo slovoobrazovaniya v russkikh govorakh]. (<http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/diminutiv.html>).

Single-root synonyms — names of plants in in «Dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas»

EROFEEVA
Dar'ya

*graduated in 2013,
Petrozavodsk State University
Faculty of Philology,
Petrozavodsk, palna-89@mail.ru*

MARKOVA
Nina

*PhD in Philology,
Associate Professor,
Petrozavodsk State University
Faculty of Philology
Chair of Russian language,
Petrozavodsk, markova_nina@mail.ru*

Keywords:

single-root synonyms
private dialect system
dialect language
word-formation syntagma
word-formation paradigm
co-derivates
word-formation couple

Summary:

The article considers ranks of single-root synonyms, established according to "The dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas", in word-formation aspect. For consideration names of plants are chosen: herbs, flowers, trees. At the level of dialect language, as well as in private dialect systems, synonymic ranks are mainly presented by couples of synonyms — word-formation couples and coderivates.

Synonymic ranks with a large number of members (from 3 to 7) reflect difficult derivational communications: syntagmatic and paradigmatic.

The revealed synonymic ranks developed as a result of an active suffixation. In case of identity of lexemes in synonymic ranks the process of loss of meaning in suffixes, especially suffixes of value judgment, is distinctly noticeable.